

Когда его солдаты отступили от горящих баррикад, Чу Тонгзу стоял твердо, пока они выстраивались вокруг него. Позеленев от сожаления, он тихо проклинал свои неудачи, решив никогда не повторять их. Жизнь в упадке не стоила этого момента поражения, лучше жить умеренно и хорошо помнить, чем прочно закрепить свое имя в истории как магистрат, который потерял Саншу. Если бы только он держался военного пути, если бы только он не передал свои обязанности Мао Цзянхуну, если бы только он отвоевал ворота, если бы только он не был так тяжело ранен... Так много сожалений и нет лекарства, чтобы вылечить его.

Сквозь густой дым и огненное пламя, шла атака Оскверненных, выдерживая шторм камней и стрел, они кричали об убийстве и кровопролитии. Орда, доведенная до иступления, несмотря на мерцающий свет и пылающий жар костра, казалась не более чем тенью и тьмой. Плечом к плечу, их нечестивые черные доспехи скрывали их формы, смешивая их вместе, когда они двигались плавными движениями, не помогая и не мешая друг другу. Их мощное оружие сверкало в темноте, их зубы были острыми, а животы жаждали плоти, эти бандиты, Оскверненные, были ужасающим зрелищем. Здесь был нескончаемый поток головорезов и убийц, чтобы сжечь и стереть Саншу в пепел и пыль.

Если эти бродяги и негодяи осмелились войти в город, как мог его магистр бездельничать в постели? Подняв над головой свое оружие, Тонгзу повысил голос для горячего вызова, его бессловесный рев заглушил боевые кличи врага. Рядом с ним стояли его солдаты, набираясь храбрости от его присутствия, они присоединяли свои голоса к его, размахивали своим общим оружием в ожидании битвы впереди.

Несмотря на поддержку Бекхайской элиты, судьба города была твердо в руках его самых обычных солдат, хороших мужчин и женщин Саншу. Хотя они и не обладали достаточной силой, ни мучительного зрелища Запятнанного Огнем Чемпиона, ни ужасающей Орды, надвигающейся на них, было недостаточно, чтобы сломить их дух. Эти воины не были ни прославленными воинами, ни благородными отпрысками, ни богатыми наследниками, но каждый из присутствующих не был чужд невзгодам, они поднимали себя тяжелым трудом и заслугами. Возможно, каждый тридцатый обладал духовным оружием, и среди них не было найдено ни одного рунического предмета, но все же они стояли вместе с ним против этого тяжеловооруженного врага, готовые умереть за свои семьи, за свой город, за свою империю.

Было бы честью умереть рядом с ними.

- Хватит ждать, - сказал он, высвобождая мощь своей ауры, чтобы обрушиться на врага. - На мой взгляд, враг движется слишком медленно. Со мной, мои солдаты, сегодня ночью мы покончим с мертвой хваткой Мясницкой бухты и отбросим Оскверненных из нашего прекрасного города. - Ведя контратаку в обжигающий жар, он начал битву с удара, который обрушился на оскверненного воина, превратив его в мясной паштет. Металлический лязг затерялся среди его смеха, отражаясь эхом от стен площади, когда его солдаты карабкались и боролись, чтобы отстоять землю, отстоять ее с горькой решимостью. Шагая сквозь врага, после каждого шага не оставалось ничего, кроме трупов солдат и оскверненных. Теплая, соленая кровь брызнула на его губы, когда он открыл рот, выкрикивая свой боевой клич в небеса.

- Победа или смерть!

Его солдаты повторяли это, изо всех сил стараясь не отставать, убивая и умирая, сдерживая прилив Оскверненных. Его продвижение вперед остановилось под натиском врагов, его оружие забирало жизни Оскверненных с каждым взмахом, очищая область вокруг него на мгновение,

прежде чем другой враг вставал на то же место. Металл трещал, кости ломались, плоть хлюпала, и воины кричали, когда он боролся, он проходил через нестройный ритм битвы, сопровождаемый острым запахом смерти. Кровь пела в его венах, он поддался своей жажде битвы, забывая своих врагов в забвение, в то время как город горел вокруг него.

- Идите сюда, язычники и еретики! - взревел он, перекрывая шум битвы. - Встретьтесь со своей судьбой в руках Чу Тонгзу, неудержимого. - Никто не мог устоять перед ним, он продвигался вглубь вражеской линии, хотя никто не мог сравниться с ним, его солдаты отставали все дальше и дальше, когда он посылал одного оскверненного за другим в пасть Отца. Независимо от того, что его элиты были вне города, он стоял плечом к плечу с солдатами Саншу. Вместе они позаботятся о безопасности города.

Они должны были это сделать.

Несмотря на опасность, смерть и отчаяние, Тонгзу не смог сдержать улыбку, вновь открывая потерянную страсть своей юности. Так он впервые оставил свой след в мире, перелезая через мертвых, чтобы царствовать. Слишком долго он предавался роскоши и великолепию богатства, забывая, как все это бледнеет по сравнению с пьянящим порывом битвы. Совет ничего не знал о силе оружия, совет искал только марионетку, которая выполняла бы их приказы, и он встал в очередь по щелчку их пальцев. Все для мимолетных удовольствий вина и женщин, таких пустых и бессмысленных вещей.

Но еще не поздно измениться. Воистину, Мать обеспечила его, это тяжелое испытание заставило его открыть глаза на правду, которую он отбросил так много лет назад. Сила руки значила больше, чем вес кошелька. Пока он боролся с Оскверненными, его мысли блуждали, сосредоточившись на рассказах судьи Тонг Да Хая и его доблестной защите Шэнь Хо. Будут ли они говорить о Чу Тонгзу в том же свете или его рассказ закончится полным поражением и унижением?

Его рассеянность дорого ему обошлась.

Отступив назад, чтобы избежать удара, он поскользнулся на пропитанной кровью плитке. Время, казалось, остановилось, когда он изо всех сил старался сохранить равновесие, шум битвы затих, не оставив ничего, кроме громового удара его брони о камень, сопровождаемого потоком воздуха, выходящего из его легких. Лежа на прохладном кафеле, он смотрел в небо и любовался зрелищем, тяжело дыша, отдыхая от боли в голове и усталых рук, на затылке образовалась шишка. Кусочек Луны, висящий в море звезд, мерцающий так высоко над ним - эта красивая картина красоты и гармонии было омрачено темным железным топором, опускающимся, чтобы забрать его жизнь.

Чертовски жаль, что все так закончилось.

Громкий лязг вернул мир в фокус, топор отклонился от удара. Пройдя мимо него, Вишер сражался с мечом и щитом, рубя и круша с удивительной точностью. В резком контрасте с его массивной фигурой, воин, превратившийся в соплеменника, казался невесомым, когда он скакал по полю боя, его ноги не останавливались больше, чем на мгновение, скользя, как будто, он стоял на танцполе вместо поля мертвых. Следуя неслышному ритму, он двигался сквозь ряды Оскверненных, шагая и кружась в танце смерти, удерживая Оскверненных достаточно долго, чтобы солдаты могли подойти и поддержать его.

Клянусь матерью, если Тонгзу когда-нибудь найдет перепачканного чернилами полоумного, который уволит Вишера, его повесят за то, что он прогнал национального героя.

Закрыв разинутую челюсть, Тонгзу поднялся, все еще не оправившись от падения. Взяв за руку двух своих солдат, он с трудом поднялся на ноги и поднял свое оружие, прежде чем снова ввязаться в драку. С Вишером и Бекхаями, которые сражались, чтобы ослабить давление вокруг, и с его солдатами, которые поддерживали его, он врезался в Оскверненных с безудержным пылом, завывая от ликования, когда они пали перед объединенной мощью империи.

В течение долгих минут они удерживали врага на месте, вынуждая подкрепление беспомощно стоять на площади, выставленное против его катапульта и лучников на стенах. Число погибших продолжало расти с обеих сторон, Оскверненные дорого платили за свое вторжение. С Бекхаями на его стороне можно было удерживать врага на площади, пока Саншу не будет очищен от камней или от Оскверненных, в зависимости от того, что наступит раньше. Подумать только, что они могли сделать с каменными стенами, за которыми стояла его элита?

Грохочущий нечеловеческий вопль прорезал шум, заставлял кровь застыть в жилах и охладить пыл. Оскверненные отступили в боевую линию, когда мощная аура прижалась к его собственной, угрожая разрушить своим усилием. Проглотив страх, Тонгзу выпрямился, держа перед собой оружие, гордо и вызывающе глядя на своих солдат. Битвы выигрывались и проигрывались в сердцах доблестных, и он не дрогнет здесь, несмотря на удушающее присутствие смерти вокруг него.

Сквозь море тел, неуклюжая фигура неторопливо приближалась к ним, возвышаясь над Оскверненными, они разделились и преобразовались вокруг него, двигаясь в сверхъестественной синхронности. Он стоял на раздвоенных копытах, колени его были согнуты назад, когда он неуклюже продвигался вперед, земля дрожала под каждым его шагом. Тело покрывал тошнотворный серо-коричневый мех, туловище было жестким и мускулистым. Длинные, угловатые руки волочились по земле со скрежетом, когти оставляли борозды в камне. Из сгорбленных плеч торчала длинная жилистая шея, увенчанная звериной головой, напоминавшей клыкастого оленя, с зазубренными рогами, торчащими из головы.

Демон, древний и могущественный - его черные глаза осмотрели Тонгзу и его солдат, прежде чем отпустить их. Добравшись до линии фронта, Демон щелкнул зубами и на долю секунды напрягся. Быстрее, чем он успел моргнуть, он перепрыгнул через пропасть и появился прямо перед ним, опустив голову, чтобы окровавить свои рога.

Используя духовное оружие, чтобы блокировать удар, Тонгзу стиснул зубы, когда его ноги скользнули назад по плиткам, Демон толкнул его в солдат. Взмахнув шеей, кончики рогов вонзились в плоть Тонгзу и отбросили его в сторону. Тяжело приземлившись, он поднялся на ноги, чтобы избежать мгновенной смерти. Карабкаясь по мертвым и умирающим, его солдаты отдавали свои жизни, удерживая свои позиции, едва замедляя продвижение демона. Отшвырнув их в сторону, словно муравьев, Демон поднял в воздух несчастную душу и оторвал ей голову жадным укусом, его челюсти открылись, чтобы снова зарычать, заставляя нервничать каждого солдата в пределах слышимости.

- Отступить! - Приказ едва слетел с его губ, как солдаты сломались, хотя, услышав его приказ, они сохранили подобие порядка. С тяжелым сердцем и измученным телом Тонгзу оперся на локоть и смотрел, как демон приближается, его лицо исказилось в дикой ухмылке.

Проскользнув между рядами, Вишер подошел к нему и поднял его на ноги, унося его прочь, когда все покидали площадь.

- Не беспокойтесь, магистр, - сказал Вишер, и его Ци начала облегчать вес Тонгзу. - Все идет

по плану. Вы хорошо держали их, это стоил им кучу денег, чтобы сломать наши линии. Неприятный сюрприз этот демон, но если повезет, у них не будет слишком много в кармане, а?

Вишер продолжал бегать и болтать, хотя Тонгзу не обращал на него внимания. Оглянувшись, он увидел, как демон уничтожил арьергард, в то время как его солдаты повалили опоры, заставив здание рухнуть и преградить путь демону. Большинству его солдат это давало драгоценные секунды на спасение, но сердце тяжело билось в груди. Возможно, в расцвете сил Тонгзу смог бы победить зверя, но с его силой и скоростью, назвать это подбрасыванием монеты было слишком великодушно.

Что еще хуже, когда демон завыл от недовольства на свою убегающую добычу, еще больше демонов ответили издали пронзительным трелевочным визгом и хриплым, скрипучим стоном. Уверенность Тонгзу улетучилась, когда он прислонился к Вишеру. МСолько демонов принес Йо Лин? Два дня до прибытия подкрепления, и все это время этот древний ужас и ему подобные будут буйствовать в его городе, его люди беспомощны перед его мощью.

Если майор Ючжэнь не успеет вовремя, возможно, она не найдет ничего, кроме тлеющих останков Саншу.

Первый опыт Сованны в военном деле оказался совсем не таким, как она ожидала. Она слышала рассказы о давке тел, шуме, вони и смятении, но не была готова к ожиданию. Вдалеке царили хаос и столпотворение, звуки металла о металл наполняли воздух, когда мясники забирались на другие баррикады. Камни с грохотом падали на площадь, солдаты кричали, бросая ей вызов, но здесь, в непосредственной близости от нее, мир был тих и спокоен.

Ее хулиганы переглянулись и схватились за оружие, смущение и трепет отражались на лице каждого, когда мясники встали через дорогу. Несколько мгновений назад атакующая масса головорезов остановилась менее чем в пятидесяти метрах от них, словно им мешала невидимая баррикада. У нее пересохло в горле, она изо всех сил пыталась скрыть свое удивление и изучала врага, распростертого перед ней.

Эти Оскверненные были совсем не такими, как она себе представляла. Никаких диких дикарей, их униформа и стройные ряды больше подходили для элитной группы наемников, чем для смертоносной Орды. На каждом были доспехи, такие черные, что казалось, они впитывают свет костра, их оружие излучало силу, когда они молча размахивали ими через дорогу. Только жуткое тело говорило об их оскверненности, руки с веревками и высохшие головы свисали с шей, кровь виднелась из-под шлемов. Ужасная компания, она знала, что ее хулиганы не могли сравниться с ними в прямом бою.

Так почему же тогда эти мясники так неохотно пересекают пропасть? Будучи сержантом в гвардии, она много практиковалась в чтении языка тела, и если бы она не знала его лучше, то подумала бы, что эти Оскверненные были напуганы. Нервы у Сованны были слишком натянуты, чтобы посылать кого-то, и она, протиснувшись сквозь толпу хулиганов, направилась туда, где сидели Бекхай, поджидая своих птенцов. Осторожно переступив через их ряды, она бочком подобралась к Джерелу, лысому фанатику, сидевшему с прямой спиной. Мужчина шел так, словно ему в задницу воткнули копье. Кашляя, чтобы прочистить горло, она тихо прошептала:

- Что здесь происходит?

- Не о чем беспокоиться, - ответил Джерел, не отводя взгляда от оскверненных, и ухмыльнулся в предвкушении. - Веселье скоро начнется.

Мужчина был похож на пьяного воробья, порхающего по воздуху, и Бекхай, смеявшиеся вместе с ним, тоже. С другой стороны, любой, кто видел армию в 20 000 человек Оскверненных в качестве подарка, терял немножко разум. Все, что она могла сделать, это закрыть глаза и молиться, чтобы уверенность Джерела была обоснованной и чтобы рассказы о доблести Бекхаев были лишь слегка преувеличены. Прося о чудесах, она также умоляла Мать расколоть землю и поглотить Оскверненную армию целиком, или пролить сверху дождь молний, чтобы спасти Саншу и ее народ.

Минуты тянулись, а мясники стояли на месте, их возбуждение росло с каждой секундой. Скрежета зубами и ошетилившись, они натирали невидимые поводья - нервная группа, жаждущая крови и смерти, но слишком осторожная, чтобы двигаться дальше. Сердце бешено колотилось в груди, голодный вой издали пробирал холодом по спине, в то время как на другой стороне площади пламя взметнулось выше в ночное небо, растущий ад, который не давал ни тепла, ни утешения.

Проклятые Оскверненные, чего они ждут?

Словно в ответ на ее невысказанный вопрос, массивное существо выскочило из тени, тяжело приземлившись между боевыми порядками. Лысый и бесформенный, Демон был на три лошади шире и на целый пядь выше, его крошечные белые глаза, полные ненависти и гнева, смотрели на Сованну. Нет, он смотрел не на нее, а на Джерела рядом с ней, хотя осознание этого не принесло облегчения. Густая желтая слюна капала из его пасти, когда он издал чирикающий крик вызова, обнажились четыре массивных резца. Ей потребовалась вся ее храбрость, чтобы не отползти от Джерела, ее горло сжалось в панике, когда зверь зарылся в землю, его когти взбивали камень, как масло.

Легкое фырканье привлекло ее внимание, когда она взглянула на Джерела, его губы скривились в усмешке.

- Отец, должно быть, действительно в отчаянии, если выбрал крота в качестве одного из своих предвестников. - Среди Бекхайцев раздался смешок, и ее хулиганы нервно присоединились к ним, все время пятясь от демона. Покачивая головой, Джерел поднял свое колоссальное оружие в одной руке, легко вращая толстым оружием, металл звенел, рассекая воздух. - Помните, постарайтесь не отпугнуть их, нам нужно, чтобы они оставались, пока не придет Ючжэнь, чтобы отрезать им путь к бегству.

Без дальнейших предисловий Бекахи бросились в атаку, их ружейники сократили расстояние прыжком. Десятки нападали на сотни, и именно сотни дрогнули, Оскверненные отступили перед свирепым натиском. Налетев на демона, Джерел нанес один удар, прежде чем проскочить мимо и нырнуть в Оскверненные ряды, Демон, казалось, застыл на месте. Прошло несколько ударов сердца, прежде чем существо рухнуло на землю, половина его головы была полностью отрезана.

Разинув рот от изумления, она глупо моргнула и посмотрела на своих обидчиков, ее недоверие отразилось в их глазах. Дрожа от возбуждения, она вышла из состояния фуги и подняла булаву.

- Вперед, хулиганы! Покажите им ад! - Она взревела, ее ноги взорвались в действии. - За Саншу! - Ее хулиганы последовали ее примеру, когда она повела их в бой, наткнувшись на

раненого мясника, шатающегося от атаки Бекхая. Ударив его прямо в голову, ее оружие отскочило от крепкого шлема мясника, он пошатнулся, но не пострадал. Громко выругавшись, она подняла булаву и снова принялась за то же самое. Не сдаваясь, она нанесла еще пять ударов, прежде чем ее настойчивость была вознаграждена приглушенным треском костей, и Мясник, мертвый упал на асфальтированную дорогу.

Вытирая лоб одной рукой, она смотрела, как Джерел с легкостью проскакал через Мясников, его конь беспрепятственно двигался сквозь массу тел. Взглянув на свою первую и единственную добычу, она печально усмехнулась своей неумелости, прежде чем шагнуть вперед, чтобы ударить другого беспомощного мясника. С Джерелом и его Бекаяхми здесь, она могла по крайней мере помочь в уборке.

После нескольких минут битвы Джерел отдал приказ отступать, и Сованна, прыгнув, повиновалась, двигаясь трусцой рядом со своим неторопливым конем. Оглянувшись, она спросила:

- Они послали еще демонов?

- Нет, - ответил Джерел, его лицо было в крови. - Другие баррикады отступают, так что мы должны последовать их примеру. Не хотел бы, чтобы поймали одного и окружили. - Лукаво подмигнув ей, он, казалось, испытывал головокружение от битвы, белки его зубов резко контрастировали с темной липкой кровью вокруг них. - Все прошло хорошо, как и следовало ожидать, хотя остальных избили. Мы будем преследовать их всю ночь, заставим карабкаться по горам мертвых, чтобы взять каждую точку. Как только Ючжэнь прибудет, их побег и судьбы будут запечатаны, их жизни будут предложены в качестве дани павшим.

Мудро кивая, Джерел продолжала отдавать приказы, и Сованна с облегчением опустила плечи. Впервые с тех пор, как она узнала об оскверненной армии, возглавляемой Йо Лином, она почувствовала, что у Саншу есть шанс. Поблагодари мать за себя и Бекаев, Саншу был бы обречен без них.

Два дня, всего два дня.

<http://tl.rulate.ru/book/591/563499>